

А. Л. Павлова

Старчество и расцвет монастырской архитектуры в России в XIX веке

Древняя монастырская архитектура Руси широко признана и известна: во всем мире знают обители Северной Фиваиды, Центральной России, Малороссии и других областей, основанные в XI – XVII веках. Монастырское зодчество XVIII – начала XX века, как и церковная архитектура этой эпохи в целом, гораздо менее изучено. Совсем недавно были прославлены архиереи, священнослужители и миряне Синодального периода. Для современной науки закономерен интерес к истории и культуре XVIII – начала XX века: наконец появилась возможность объективно рассмотреть богатейшее наследие этого периода. Переиздаются и впервые выходят в свет труды по богословию, аскетике, истории, письма, воспоминания, жизнеописания многих святых и подвижников благочестия того времени. Постепенно развивается интерес к церковному искусству Синодального периода. Таким образом, историческая наука постепенно выявляет связь между жизнью Русской Церкви и культурой России той эпохи.

В этом отношении интерес представляет история церковной архитектуры, которая позволяет проследить участие многих святых и подвижников благочестия в храмовом строительстве. Особенно наглядно предстает строительная деятельность почитаемых архиереев и старцев при рассмотрении монастырской архитектуры, в истории которой отчетливо запечатлено значение духовников и основателей обителей. При взгляде на обстоятельства возведения многих храмов в монастырях видна большая роль, которую играли прославленные архиереи и старцы в расцвете храмового зодчества.

Не все периоды Синодального времени были одинаково благоприятны для монастырей и монастырской архитектуры. Начиная с царствования

императора Петра I и в течение почти всего XVIII столетия выходили постановления, ущемляющие права и возможности монастырей. Эти времена трудностей в монастырской жизни, прерывавшиеся недолгими подъемами в архитектуре некоторых крупных штатных обителей, не оставили глубоких следов в монастырском зодчестве в общероссийском масштабе. В целом храмоздательство в XVIII веке перестало играть ведущую роль в российской архитектурной практике, его формы перенимались из светской архитектуры, что особенно характерно для столичного зодчества. Благоприятные изменения в отношениях Церкви и государства стали проявляться со времен императора Павла I, что сразу же сказалось и на оживлении храмового строительства. Настоящий переворот в истории архитектуры наступил в царствование императора Николая I, когда был возрожден принцип строительства храмов по образцам, архитектурные формы которых продолжали традиции древнерусского зодчества.

Эпоха обновления взаимоотношений государства и Церкви в конце XVIII – начале XIX века совпала с возрождением из недр монашеской жизни святоотеческого понимания молитвы – умного делания. Религиозное возрождение, восходившее к истокам христианской аскетики, которое возглавил преподобный Паисий Величковский и его ученики, предопределило подъем религиозности во всех слоях общества. «После упадка благочестия в XVIII в. в разных слоях народа снова происходил подъем религиозности. Этот подъем в основном объясняется влиянием русского старчества, а также улучшением состояния монастырей после их развала в XVIII столетии, – теперь монастыри и монашеская жизнь снова стали соответствовать народному представлению о благочестии»¹.

¹Смолич Н. К. Русское монашество 988 – 1917. М., 1999. С. 291.

XIX век стал временем возрождения монашества и расцвета монастырей. Подъем монашеской жизни в России XIX века был ознаменован расширением старых и возникновением новых обителей. Именно к середине XIX – началу XX века относится строительство самых крупных пятиглавых монастырских соборов и пятиярусных колоколен в России, которые составили основное направление многогранной монастырской архитектуры того времени. Влияние русского старчества на церковное зодчество рассматривается в данной статье на примере типологии пятиглавых соборных храмов.

Образцы таких храмов были общими для зодчества всей России. Они содержались в альбомах образцовых чертежей архитектора К. А. Тона, которые по императорскому Указу рассылались в губер-

Пятиглавые соборные храмы были близки по своим архитектурным формам, иногда они имели одни образцы, но никогда не были одинаковыми. Варианты пятикупольного соборного типа были многообразны, нередко сочетались и отличались местными особенностями. Природные, климатические, экономические и другие условия областей, где создавались соборные храмы, были столь различны, что родственность архитектурных форм служила соединению, сплочению бескрайних просторов империи.

В XIX веке был сформирован особый тип монастырского ансамбля, возрождавший традиции древнерусского зодчества и одновременно наделявший монастырское строительство новыми чертами. Соборный храм в стиле Тона стал центром

Ил. 1. Современный вид Серафимо-Дивеевского женского монастыря с южной стороны. Слева – Троицкий собор (1858 – 1875), справа – Преображенский (Новый) (1905 – 1917)

нские строительные комиссии. Монастырское соборное строительство было включено в общероссийскую Государственную программу по архитектуре, которую проводил император Николай I. Программа заключалась в возведении храмов соборного типа по тоновским образцам в различных церковных и административных центрах империи: в главных городах епархий и губерний, в монастырях, в уездных городах и крупных селах, которые объединяли целый куст деревень. Проекты крупных соборов рассматривались лично императором. Он наблюдал за тем, чтобы при возведении соборов точно следовали образцам. Целью программы было утверждение единства империи, ее укрепление и обращение к традициям русской церковной культуры.

монастырского пространства, сформированного в царствование императора Николая I.

Восстановление порядка в монастырях пошло по пути повсеместного возвращения к общежительному уставу, который был привезен преподобным Паисием Величковским с Афона. Духовное возрождение нуждалось в соответственной ему форме. Кроме того, во многих обителях развернулась широкая архитектурная деятельность. В таких условиях требовалась именно общежительная форма. Монастыри на протяжении XIX века получали все больше возможностей по приему послушников без всяких ограничений. Восстанавливающиеся монастыри нуждались в пополнении, и одновременно в течение XIX века все более возрас-

Ил. 2. Западный фасад собора в честь Владимирской иконы Божией Матери в Задонском мужском монастыре (1845 – 1853).
Архитектор К. А. Тон

тало желание среди всех сословий и возрастов уходить в святые обители.

Общежительный устав предполагал увеличение монастырской собственности и полное ее отсутствие у отдельных монахов. Все монашествующие в таком монастыре духовно окормлялись у старца обители. Работа на послушаниях возлагалась на монахов настоятелем. При общежительном уставе монахи ничего не предпринимали и не отлучались из монастыря без благословения игумена. При соблюдении порядка в обителях стало возможным восстановление старых построек, улучшение монастырского хозяйства, развитие всевозможной благотворительной деятельности. Устав позволял организовать жизнь в многолюдных обителях, что стало особенно необходимо в XIX веке по причине повсеместного увеличения монашествующих: помогал наладить жизнь во вновь открытых монастырях.

Введение общежительного устава коренным образом повлияло на развитие монастырского строительства. Многолюдные, процветавшие общежительные обители, которые посещали тыся-

чи паломников, нуждались в крупных соборных храмах, которые стали символами возрожденного монашества. Бурное строительство велось во всех монастырях в XIX веке, большинство из них по всей России приобрело законченный вид именно в ту эпоху. «Из истории многих обителей известно, что в 1-й половине XIX в. все монастырские денежные средства тратились на строительство»².

Прославленные пастыри – старцы XIX века, небольшая часть которых в настоящее время канонизирована Русской Православной Церковью, привлекали в монастыри множество паломников. Некоторые из них становились впоследствии насельниками обителей, духовными чадами старцев в миру, временными или постоянными благотворителями обителей. Пожертвования в монастыри в XIX веке поступали от людей всех сословий в разнообразных формах. Интересно, что большая их часть направлялась именно на строительство и украшение храмов. Это соответствовало строю благочестия, укоренившемуся в России. Красота монастырского ансамбля с древности воспринималась как символ и отражение красоты Горнего мира.

Во многих случаях возведение крупного собора в монастыре требовало участия многих благотворителей; средства собирались в разных местах в течение многих лет строительства. При возведении кафедрального собора в епархиальном центре главная ответственность лежала на правящем архиерее; строительство же монастырских соборов, как правило, возглавлял настоятель. Средства на возведение кафедральных соборов собирались по епархиям, часто с помощью губернского начальства. При постройке монастырского собора организация сбора пожертвований целиком лежала на настоятеле или настоятельнице.

Как уже говорилось, за советом и духовным окормлением к старцам обращались разные люди, съезжавшиеся со всей России. Старцы – опытные монахи – имели самое лучшее представление о нуждах монастырей и о существовании малоизвестных обителей и общин через своих многочисленных духовных чад и посетителей. История возникновения и становления многих обителей XIX века показывает, что все основные события их жизни совершались при участии того или иного старца-духовника. Они негласно направляли или посылали жертвователей именно в те обители, которые нуждались в тот момент в поддержке. Строительство большого собора в монастыре всегда осуществлялось по благословению старца. Как правило, старцам принадлежали идеи по открытию, возобновлению и переустройству монастырей, поэтому

²Смолич Н. К. Указ. соч. С. 354.

они же духовно руководили и строительной деятельностью обителей.

Преподобный Серафим Саровский духовно руководил жизнью и строительством в своей Успенской Саровской пустыни (Темниковский уезд Тамбовской губернии), в Ардатовском Покровском женском монастыре (Арзамасский уезд Нижегородской губернии), в Свято-Троицком Дивеевском женском монастыре (Ардатовский уезд Нижегородской губернии) и в других обителях. По его благословению были основаны многие монастыри, в том числе Тихвино-Богородицкий женский монастырь в г. Кирсанове (Тамбовская губерния), Успенский женский монастырь в г. Оренбурге, Абабковский Николаевский Георгиевский женский монастырь (Горбатовский уезд Нижегородской губернии).

Покровительствовал многим монастырям и преподобный Амвросий Оптинский. Он основал и руководил жизнью Казанского женского монастыря в Шамордине (Перемышльский уезд Калужской губернии), благословил организацию Троицкой общины в Тарусском уезде (Калужская губерния), помогал Гусевской Ахтырской общине (Камышинский уезд Саратовской губернии) и многим другим. Преподобный Варнава Гефсиманский основал и помогал Иверскому Выксунскому женскому монастырю (Ардатовский уезд Нижегородской губернии). Старец Зосима Верховский положил основание и всесторонне заботился о Троице-Одигитриевском женском монастыре (Верейский уезд Московской губернии). Много трудов по основанию и устройению монастырей положил праведный Иоанн Кронштадтский. Его трудами и при его поддержке были созданы Сурский Иоанно-Богословский монастырь (Пинежский уезд Архангельской губернии), Иоанновский монастырь на Карповке в Санкт-Петербурге, Леушинский монастырь (Череповецкий уезд Новгородской губернии), Пюхтицкий Успенский женский монастырь (Везенбергский уезд Эстляндской губернии), Казанский женский монастырь близ г. Данилова Ярославской губернии.

Ни одно важное дело в этих монастырях не предпринималось без благословения духовника обители. Особенно это касалось задач монастырского соборного строительства. Слова всеми любимого старца имели решающее значение при возведении храмов. Многие монастыри начинали строительство соборов, не имея никаких заранее накопленных средств. По совету духовника они приступали к строительству вопреки многим обстоятельствам. Впоследствии же оказывалось, что

это был единственно возможный способ создания храма.

Как упоминалось выше, преподобный Серафим Саровский оказывал всестороннюю помощь Тихвинской девичьей обители города Кирсанова Тамбовской губернии, вникал во все, в том числе и строительные, дела общины. При его участии обитель приобрела постоянную благотворительницу – помещицу Кирсановского уезда М. П. Колычеву. Она очень хотела, чтобы община быстрее получила статус монастыря, на что преподобный Серафим отвечал ей: «...ты о монастыре не заботься, а давай им хлеба: они за тебя Богу помолятся... Не оставляй их, люби простеньких»³.

Святой старец предсказал строительство в нищей тогда общине собственного величественного храма, который постепенно возводился и расширялся с 1825-го по 1867 год в стиле образцовых чертежей К. А. Тона. История монастыря сохранила бесхитростный рассказ об участии преподобного Серафима в строительных делах обители: «Только вошли мы в его келлию, – рассказывала игуменья

Ил. 3. Уланский собор в честь святых Петра и Павла в Петергофе (1833 – 1839) (не сохранился). Архитектор К. А. Тон. Фото с открытки начала XX века из собрания РГБ

³ Цит. по кн.: Левин О. Ю., Просветов Р. Ю., Алленов А. Н. Кирсанов Православный. М., 1999. С. 86 – 87.

Ил. 4. Собор во имя Боголюбской иконы Божией Матери (1855 – 1866). Боголюбов монастырь близ г. Владимира. Проект архитектора К. А. Тона, строительство велось под руководством архитектора Я. М. Никифорова

(Антонина (Страхова). – А. П.), – как он радостно, благословляя нас, стал говорить: “И ну, у вас будет храм; вот приедет к вам барынька, вы примите и угостите ее... и она выстроит вам храм”. Когда сестры словами о. Серафима были приведены в недоумение и думали, не о духовном ли храме говорит он, старец с силою повторил: “Будет, будет у вас церковь”. Затем стал подробно говорить о копании земли под фундамент церкви, советовал храм построить маленький: “Не в одних обширных храмах Бог живет”, – говорил он»⁴.

Если пятиглавый Тихвинский собор Кирсановского монастыря был сравнительно небольшим, то соборный храм Дивеевского женского монастыря отличается значительными размерами. Как известно, эта обитель находилась под особым покровительством преподобного Серафима.

Троицкий собор Дивеевского монастыря Нижегородской губернии был заложен в 1858 году. Земля под возведение этого собора была куплена лично преподобным Серафимом Саровским: «...место

это было приобретено великим старцем у г-на Жданова... 100 р. ему лично вручил на покупку о. Серафим»⁵. Еще в 1832 году, незадолго до своей кончины, преподобный Серафим предсказывал строительство Троицкого, а затем и Нового собора (1905 – 1917). Обращаясь к монахине Евпраксии, он говорил: «И скажу тебе, вельми хорош будет мой собор (Троицкий), но все-таки еще не тот этот дивный собор, что к концу-то века будет у вас. Тот, матушка, на диво будет собор!...»⁶ Таким образом, именно по благословению преподобного Серафима возник уникальный ансамбль Свято-Троицкого Дивеевского монастыря, основной особенностью которого является соседство двух близких по величине и общей композиции соборов (Ил. 1).

Троицкий собор по своим архитектурным формам во всем принадлежит школе К. А. Тона. Самобытность храма заключается в своеобразии классического начала, которое пронизывает возрожденные архитектором Тоном древнерусские формы. Фасады собора отличаются обилием деталей классиче-

⁴ Цит. по кн.: Левин О. Ю., Просветов Р. Ю., Алленов А. Н. Указ. соч. С. 84.

⁵ *Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря* / Сост. архим. Серафим (Чичагов). Спб., 1903. (Репринт. Краснодар, 1991. С. 592.)

⁶ Там же. С. 454.

ского происхождения, которые делают облик храма живописным и нарядным. Западный фасад завершают три своеобразных треугольных фронтона, которые заменяют положенные в этом месте закомары. Подобный прием показывает особый сплав классических и древнерусских элементов. На взаимодействии этих начал в архитектуре сформирована архитектурная школа К. А. Тона. Классическая основа присутствует во всех его произведениях, но в провинциальных постройках, таких, как Троицкий собор, эта основа видна особенно наглядно.

Новый собор монастыря возводился в начале XX века, но был освящен только в 1998 году как Преображенский. На примере архитектуры Преображенского собора виден один из путей развития пятиглавого соборного типа храма, возрожденного Тоном. В этом соборе сохранена основная композиционная схема Троицкого собора. Однако образцом для форм Преображенского собора послужила архитектура времен Владимиро-Суздальской Руси, тогда уже более изученная. В целом и в деталях Преображенский собор принадлежит эпохе рубежа веков. Архитектурные формы Нового собора отличаются большей удлиненностью пропорций, чем формы Троицкого собора. Если в облике Троицкого собора видно глубокое родство с классицизмом – в архитектуре Преображенского храма классическое начало стало почти незаметным. Соборы совершенно разные по своей архитектуре, хотя они имеют равное число глав, близкие по формам планы и родственные композиции фасадов. Их структурные различия и внешнее подобие создали редкую по сложности и одновременно поразительную по красоте и величию гармонию. Соседство двух больших пятиглавых соборов создало самобытный архитектурный ансамбль, принадлежащий именно последнему столетию Синодальной эпохи.

Строительство монастырского собора было не только частью хозяйственной жизни обители. Вокруг создания собора сосредотачивались все силы монастыря. Братия или сестры лично участвовали во всех работах по возведению храма: они и носили кирпичи и камни, и делали раствор, и расписывали стены и своды. Создание соборного храма было для каждой обители венцом строительной деятельности и одновременно видимым воплощением духовной жизни монастыря.

В истории России и Церкви XIX века особое место занимает Черноземная область, которая переживала необыкновенный подъем в эту эпоху. В монастырях этого края произошли одни из самых важных событий в духовной жизни того времени: прославление святителя Тихона Задонского в Богородицком Задонском монастыре и кано-

низация преподобного Серафима Саровского в Сарове и Дивееве. Во всех этих обителях были возведены соборные храмы в духе Тона.

Владимирский собор в Задонском мужском монастыре принадлежит к числу храмов, возведенных по проектам, составленным лично К. А. Тоном (Ил. 2). Строительство соборного храма с 1845-го по 1853 год ознаменовало расцвет этой прославленной в XIX веке обители. История монастыря характерна для XIX столетия: в 1810 году он находился на 130 месте среди монастырей России, а к концу XIX века оказался в числе 10 лучших обителей. Решающим событием в жизни монастыря, предопределившим его расцвет впоследствии, стало переселение в обитель на покой Воронежского епископа Тихона (Кириллова-Соколовского) (1724 – 1783). Святитель Тихон оставил административную деятельность ради молитвенного уединения, поселившись в Задонском монастыре в 1769 году. Он вел почти затворническую жизнь, не оставляя богословских трудов. Своим личным подвигом святитель прославил Задонскую обитель на всю Россию, что привлекало в нее сотни паломников, трудников и послушников. Уже к середине XVIII века вокруг монастыря образовался город Задонск, получивший в 1779 году статус уездного.

Святитель Тихон положил начало возвышению иноческой жизни в монастыре. После его святой кончины обитель прославилась многими старцами, к которым, как в Оптину пустынь, съезжалось множество православного народа. При жизни святителя Тихона в монастыре возобновилась строительная деятельность. Как уже говорилось, широкий размах она приобрела к середине XIX века. Вершиной архитектурной истории монастыря стало строительство восьмипрестольного Владимирского собора.

По своим архитектурным формам Владимирский собор во многом напоминает Уланский собор святых Петра и Павла в Петергофе, возведенный по проекту К. А. Тона (Ил. 3). Петергофский собор можно считать прототипом Владимирского собора. Храмы выделяются простотой среди церквей, созданных по проектам Тона, и представляют собой отдельную ветвь соборного типа, возрожденного архитектором. В отличие от большинства построенных им храмов, Уланский собор по форме плана близок к квадрату, с востока у него имеется одна полукруглая апсида. План Задонского собора развивает направление, заданное в Петергофском храме. Центральный квадратный объем Владимирского собора, над которым расположено пятиглавие, с востока дополнен тремя полукруглыми апсидами, а с запада к нему пристроен прямоугольный притвор. Так как планы Уланского и Владимирского

соборов не крестообразные и нет вынесенных концов креста, закомары, завершающие стены, соответствуют расположению куполов, что уподобляет эти соборы древним более других храмов Тона. Закомары не производят впечатления декоративных форм, они естественно завершают стены и осуществляют переход к куполам.

Задонский собор отличается от своего прототи-

го до конца связи с барокко. В пользу этого предположения говорит использование спаренных полуколонн для разделения прясел на фасаде. Пучки полуколонн придают фасадам цельность и завершенность, объединяя все элементы здания. Они составляют, пожалуй, главную отличительную особенность Владимирского собора, делая его уникальным среди храмов, подобных ему по формам.

Ил. 5. Церковь великомученицы Екатерины в Царском Селе (не сохранилась) (1831 – 1840). Архитектор К. А. Тон

па сильной расчлененностью стен. Каждое прясло имеет по два-три полукруглых профиля. Этого нельзя сказать о глухих пряслах Петергофского храма. Оконные проемы на его фасадах размещены свободно, они не связаны ни по горизонтали, ни по вертикали с членением фасада, который не имеет дополнительных профилей или тяг, что вообще присуще стилю Тона. Окна на плоском фасаде Уланского собора как бы парят, что сближает такой прием с принципами архитектуры ампира.

Владимирский собор, несмотря на свои традиционные для русского храмового зодчества формы, близок к архитектуре классицизма, что особенно заметно по его деталям: профилям, тягам, филеикам и полуколоннам. Однако если архитектура Уланского собора близка к позднему классицизму – ампиру, то в формах Владимирского собора ясно выступают черты раннего классицизма, не утратившие

В 1863 году в монастыре происходило самое замечательное событие за всю его историю – торжество прославления святителя Тихона. В Синодальный период канонизации святых происходили не часто – праздник в Задонском монастыре приобрел всероссийский масштаб. Возможно, впервые за всю историю края совершалось в таком масштабе церковное событие в монастыре. Современники так отзывались о святителе Тихоне и празднике в его честь: «Праздник Святителя Тихона Задонского... В нем больше, чем в ком-либо другом из русских святых, чувствуется присутствие и отражение истинного христианства. И в жизни его, в его отношениях к людям, в его сочинениях веет дух Христов. Вот почему его любят все христиане, каких бы толков они ни были... В его сочинениях теплота и жизненность евангельская»⁷. Подобное общерусское празднество про-

⁷ Цит. по кн.: *История Задонской обители*. Воронеж, 1999. С. 62.

изошло только через 40 лет, в 1903 году, в Сарове (Тамбовская губерния), в дни прославления преподобного Серафима Саровского.

13 августа 1863 года Владимирский собор Задонского монастыря вместил 8 000 человек, памятное богослужение возглавил Санкт-Петербургский митрополит Исидор (Никольский) (1799 –

Тамбовская губерния), он возглавлял Владимирскую епархию, где в 1866 году в Боголюбском монастыре освящал соборный храм, возведенный в тоновском стиле (Ил. 4). Строительство собора проходило под руководством владимирского губернского архитектора Я. М. Никифорова, который при проектировании взял за основу образ-

Ил. 6. Внутренний вид Боголюбского собора в Боголюбском монастыре (1855 – 1866).

1829). Интересно, что в этот день ему сослужил тогдашний Тамбовский епископ Феофан (Говоров) (1815 – 1894), более известный под именем Вышенского Затворника. Его приезд не был запланирован. После того как стало ясно, что приглашенный Курский епископ Иосиф не может приехать, взамен позвали владыку Феофана. В ночь перед праздником успел приехать и Курский епископ. Святитель Феофан особенно почитал память святителя Тихона. В 1867 году епископ Феофан, по примеру святителя Тихона Задонского, удалился с архиерейской кафедры на покой.

Однако прежде чем святитель Феофан Затворник поселился в Успенской Вышенской пустыни

цовые проекты К. А. Тона. Проект Никифорова был послан в Синод, а оттуда обер-прокурор передал его, как и проекты всех упоминавшихся храмов, «для большей благовидности фасада, удобства внутреннего расположения и большей устойчивости здания... на Высочайшее... Императорское Величества благоусмотрение»⁸.

Прототипом Боголюбского собора, возможно, является церковь великомученицы Екатерины в Царском Селе (не сохранилась) – одна из ранних храмовых построек К. А. Тона (Ил. 5). По словам Т. А. Славиной, в этом храме «возрожден тектонический смысл кокошников у основания барабана»⁹. Еще до открытия позакомарного покрытия

⁸ РГИА. Ф. 446. Оп. 21. Д. 1. Доклад 25. О постройке храма в Боголюбском монастыре близ Владимира. 1855.

⁹ Славина Т. А. Константин Тон. Л., 1989. С. 108.

Ил. 7. Главные ворота Белобережской Иоанно-Предтеченской пустыни (не сохранились). Слева видна часть соборного храма во имя иконы Божией Матери «Троеручица» (1861 – 1876) (не сохранился). Фото с открытки начала XX века из собрания РГБ

древних храмов Тон в своих работах использует древние принципы покрытия сводов и постановки куполов. Можно предположить, что приемы посводного покрытия не были забыты русскими зодчими, несмотря на удобство скатного завершения. В архитектуре классицизма и барокко не использовались древние формы русского зодчества, поэтому традиционное посводное покрытие, естественно, не применялось. С возрождением традиционных типов храмов были возобновлены и древние конструктивные приемы. Это произошло гораздо ранее того момента, когда ученым стал известен подлинный вид древнерусских храмов.

Пропорции Боголюбского собора по сравнению с церковью в Царском Селе выглядят более тяжеловесными, что характерно для провинциальной архитектуры. Общий вид собора кажется приземистым, потому что сильно сокращена высота среднего яруса фасада и почти в два раза уменьшена цокольная. За счет этого основание собора получилось усеченным, а массивная верхняя часть кажется слишком крупной. Однако вблизи собора это незаметно, так как верхняя часть находится на большой высоте и воспринимается в перспективном сокращении. Собор имеет светлый и просторный интерьер (Ил. 6). Мощные столбы,

поддерживающие центральный купол, не загромождают внутреннее пространство, так как они расчленены изящными профилями, филенками и уступами. Грани, обращенные в сторону подкупольного пространства, усечены, что делает интерьер еще более свободным.

Соборные храмы в стиле Тона были возведены во многих обителях России, большинство из которых не сохранилось. К числу разрушенных относится Белобережская Иоанно-Предтеченская пустынь Брянского уезда, Орловской губернии (Ил. 7). Этот монастырь по праву можно считать колыбелью русского старчества. В начале XIX века в нем жили: иеромонах Клеопа II (скончался в 1817 году) – ученик преподобного Паисия Величковского; монах Леонид (Наголкин) – будущий Оптинский старец. В это время в пустыни настоятельством старец Василий (Кишкин). Старцы ввели в монастыре общежительный устав, что заложило основы возрождения монашеской жизни в Белых Берегах, где обитель неоднократно приходила в полное запустение.

Духовное возрождение повлекло возобновление строительной деятельности: в середине XIX века пустынь приобрела вид величественного ансамбля с пятикупольным тоновским собором в цен-

тре и пятиярусной колокольной. Вся прямоугольная территория монастыря была обнесена стенами, отмеченными на углах башнями. Особенно был выделен главный вход в пустынь — с надвратным храмом, наружные стены которого были расписаны. Соборный храм в честь местночтимой иконы Божией Матери «Троеручица», именуемой Белобережской, был построен в 1861 — 1876 годы. Архитектура этого пятиглавого собора объединена родственными чертами со всеми описанными храмами.

Соборы тоновского типа возводились в монастырях по всей России. Для примера можно назвать: собор во имя иконы Божией Матери «Умиление» в Авраамиево-Городецком мужском монастыре Костромской губернии (1857 — 1867), Воскресенский собор Новодевичьего монастыря в Санкт-Петербурге (1849 — 1861), Сретенский собор в Иверском женском монастыре в Самаре (освящен в 1869 году), Успенский собор в Успенском

мужском монастыре города Оренбурга (1868 — 1881), собор в честь Положения Ризы Господней во Всехсвятском женском монастыре и Тихвинский собор Троицкого Оптина мужского монастыря города Болхова Орловской губернии, Иверский собор в Спасском монастыре в Симбирске, Успенский собор в Краснослободском Успенском монастыре Пензенской губернии и многие другие. Строительство соборных храмов и пятиярусных колоколен в монастырях стало наиболее ярким воплощением возрождения монашества и подъема духовной жизни в России в целом, так как корни религиозного расцвета XIX — начала XX века уходят в монастырскую среду.

Архитектурная программа по возведению соборных храмов оказалась настолько масштабной и успешной именно потому, что в ней религиозный подъем народа и талант зодчих соединились с духовной поддержкой прославленных пастырей — старцев и архиереев XIX века.

